

UNITED WISDOM

Кали: теневая сторона света

Смысл и путь

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

P29 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Кали: теневая сторона света

Эпиграф

«Я — время, великий разрушитель миров, и я пришёл сюда, чтобы погубить всех этих людей» — Бхагавад-гита (Bhagavad Gita, 11.32), слова Кришны в образе всепоглощающего Времени (kāla), перевод с санскрита.

О чём эта статья

В индуистской традиции Кали (kālī) — не демон, но богиня времени (kāla), разрушения и трансформации. Однако в поздних бхакти-текстах, колониальном дискурсе и особенно в исламском культурном поле Южной Азии её образ трансформировался в фигуру джиннии или шайтана, в воплощение хаоса, требующего изгнания. Эта трансформация отражает глубокую философскую ошибку: дуалистическое разделение света и тьмы как враждующих начал, а не как единой функции бытия. Статья прослеживает, как архетип разрушения был изгнан из сферы священного, и показывает, что методы Кали — «жёсткие», разрывающие, катарсические — служат той же цели освобождения (mukti), что и медитативное слияние Шивы, просто иная модальность достижения недвойственности.

I. Кали как время: онтология разрушения

Кали — это не антропоморфное чудовище, но персонификация абсолютного времени, поглощающего все формы. В «Девимахатмье» (Devi Mahatmya, составленной примерно в V–VI веках н. э.) она появляется из лба Дурги как гнев (кродха), необходимый для уничтожения демона Рактабиджи, чья кровь порождала новых врагов при каждом проливании. Этот мифологический нарратив скрывает метафизическую структуру: разрушение (пралайя, pralaya) не следует за творением как случайность, но составляет его внутреннюю границу, условие возможности обновления. Кали — чёрная (kālī) не потому, что зла, но потому, что поглощает все цвета спектра, все дифференцированные формы (nāma-rūpa). В тантрической онтологии она представляет высшую ступень махамайи (mahāmāyā): иллюзию, которая разрушает саму себя, открывая реальность за пределами формы. Здесь нет места моральной оценке: время не добро и не зло, оно — категорическая необходимость, обеспечивающая динамику бытия. Считать эту функцию демонической — значит отказаться от понимания цикличности космоса и зафиксироваться в иллюзии вечности статичных форм.

II. Демонизация архетипа: проекция страха

Исторически образ Кали подвергся демонизации в несколько фаз. В позднем средневековом бхакти, ориентированном на интимную любовь (прем) к персональному Богу, фигура разрушающей матери стала неудобной: она напоминала о неизбежной смерти, телесном распаде и хаосе, которые религиозный сентимент желал преодолеть или отодвинуть. Колониальный дискурс XIX века закрепил эту тенденцию: британские этнографы и миссионеры интерпретировали кали-пуджу как «демонолатрию» и «культ крови», проецируя христианский дуализм добра и зла на индуистский пантеон. Важно понимать, что демонизация происходит всегда, когда культура отказывается принимать амбивалентность священного: то, что разрушает мои иллюзии безопасности, объявляется злым. Но в философии адвайта-веданты (advaita-vedānta) и в тантре разрушение ограниченной индивидуальности (jīva) является условием открытия безграничного Брахмана. Кали не угрожает порядку, она — сам порядок на уровне абсолютного, где каждая форма должна быть снята (Aufhebung), чтобы освободить место новой.

III. Исламский контекст: когда богиня становится джиннией

В культурном поле Южной Азии, особенно в Бенгалии и Синде, где ислам долго сосуществовал с индуизмом, образ Кали претерпел специфическую трансформацию: в народном сознании и в некоторых низовых легендах она стала фигурировать как могущественная джинния (jinniya) или даже как ифрита, дух, требующий подчинения.

Этот культурный перевод (translation) следует логике демонологизации: то, что не вписывается в монотеистическую схему единого Бога-Творца и добродетельных посредников (ангелов), автоматически относится к категории шайтанов (shayāṭīn) или джиннов. В ортодоксальном исламском праве (фикх) поклонение Кали квалифицируется как ширк (приписывание силы твари), но в фольклоре она часто представлена как субъект, с которым можно заключить сделку (сихр), аналогично сделкам с джиннами в арабской магической традиции. Это свидетельствует о сохранении архетипа разрушительной женской силы, но в искажённой форме: вместо трансцендентного принципа (как в тантре) она становится имманентной демонической мощью, подлежащей экзорцизму (рукья). Несправедливость этого сдвига очевидна: Кали лишается своего онтологического статуса и понижается до уровня «существа», тогда как в изначальной традиции она — «сверх-сущность», майя, которая иллюзорна сама по себе, но указывает на реальность.

IV. Философия ошибки: дуализм света и тьмы

Основа демонизации Кали — дуалистическое предположение, что свет и тьма суть враждующие субстанции. Эта модель характерна для зороастризма (Ахура-Мазда против Ангро-Майнью), манихейства и некоторых ветвей гностицизма, но она чужда недвойственной (advaita) логике индуизма и суфизма. В адвайта-веданте Брахман — единственная реальность, а все дуальности (dvaita) — вибхрама (vibhrama), проекции.

Кали, как и Шива, есть лишь аспект этой единой реальности: она — шакти (śakti), активность, в отличие от Шивы (śiva), покоя. Но активность не менее священна, чем покой; разрушение не менее необходимо, чем творение. Николай Кузанский (1401–1464) в «Учёном незнании» (De docta ignorantia) формулирует принцип coincidentia oppositorum (совпадения противоположностей): максимум и минимум, свет и тьма, творение и разрушение сходятся в Абсолюте. Кали и Шива в тантре воплощают именно этот принцип: их объятия (алингана) есть иконография недвойственности, где разрушение становится интимным актом единения с абсолютным.

V. Единство метода: мягкий и жёсткий путь

В тантрической типологии путей различают дакшиначару (dakṣiṇācāra) — правый, «солнечный», постепенный путь через ритуал и почитание, и вамачару (vāmācāra) — левый, «лунный», радикальный путь через преодоление табу. Кали традиционно ассоциируется с вамачарой: работа с местами кремации (шмашана), употребление запретных веществ (пять макар), практики, разрушающие социальную идентичность.

Однако цель обоих путей — одна: пробуждение кундалини (kuṇḍalinī) и реализация единства души с абсолютным. Различие только в темпераменте (пракрити) практика: кому-то нужен постепенный разогрев, кому-то — немедленное погружение в холод. Ибн Араби (1165–1240) в «Фусус аль-хикам» описывает различные пути (masālik) к Богу, которые все равны по своей конечной цели, хотя методы различны. Фана (fanāʾ), аннигиляция эго в суфизме, структурно аналогична тому, что делает Кали: обе практики разрушают «я», но одна — через любовь (махабба), другая — через трепет (хауф) и смирение. Упрекать Кали за жёсткость — всё равно что упрекать хирурга за скальпель: метод различен, но цель — исцеление (шифа) от болезни индивидуации.

VI. Сравнительная типология: архетипы разрушения

Структура, которую воплощает Кали, повторяется в других культурных линиях, где она также подвергается демонизации. В еврейской традиции Лилит — первую женщину, отказавшуюся подчиняться Адаму, — изгоняют из эдемского сада и демонизируют как губительницу младенцев; однако в лурианской каббале она прочитывается в связке с Шехиной — той активной стороной божественности, без которой невозможен тиккун (исправление миров). В греческой традиции Геката, богиня перекрёстков и порога, со временем ассоциируется с ведьмами и чёрной магией, хотя изначально она — покровительница путников и ключница (клейдухос), открывающая двери между мирами.

В буддийской тантре (ваджраяна) гневные божества — такие как Ваджракилая (Vajrakīlaya) или дакини Ваджраварахи (Vajravārāhī) — несут разрушительную, рассекающую функцию, и их образы часто вызывают отторжение у экзотерических интерпретаторов. Везде один и тот же механизм: архетип, разрушающий границы эго и социума, объявляется опасным, «тёмным», демоническим. Это свидетельствует не о природе архетипа, но о нежелании культуры признавать целостность бытия, включающую смерть и распад.

VII. Юнгианская тень: интеграция разрушения

Карл Юнг (1875–1961) в «Эоне» (Aion) и в работах по аналитической психологии ввёл концепцию тени (Schatten) — подавленных, непризнанных аспектов психики, которые проецируются наружу как враждебные фигуры. Кали в её демонизированном виде — классическая проекция тени: культура, отказавшаяся принять собственную агрессивность, смертность и хищность, вытесняет их в фигуру «чёрной богини».

Интеграция тени, по Юнгу, необходима для психической целостности (Selbst): человек должен осознать, что «добро» и «зло» в нём не враждуют, но составляют поле напряжённости, необходимое для самопознания. Энантиодромия (enantiodromia) — закон, по которому крайняя односторонность обращается в свою противоположность, — работает и в культуре: запрет Кали как демона ведёт к её идеализации в некоторых нео-тантрических кругах, что есть та же диссоциация, только инвертированная.

Истинная позиция — признание Кали как функции, а не как сущности: она — не «внешний» демон, но внутренняя необходимость очищения через крах.

VIII. Этика жёсткости: когда разрушение необходимо

Существует этическое измерение практики Кали, которое теряется при её демонизации.

В тантрах, посвящённых Кали, и в традиции адвайта-веданты, возводимой к Шанкаре (VIII в.), разрушение нередко описывается как милость (anugraha), хотя и в суровой форме.

Учитель (гуру), действующий как Кали, может разрушить иллюзии ученика резким словом или отказом — это соотносят с шактипатой (śaktipāta), нисхождением силы, которое иногда происходит через шок. В суфизме аналог — фана через «убиение» эго, которое может быть спровоцировано даже унижением со стороны шейха. Метод Кали — метод «скорой помощи» духовной: когда человек застрял в собственной идентичности настолько, что мягкие методы только укрепляют болезнь, требуется ампутация. Считать такой метод «злым» — значит применять к метафизике категории повседневной морали, которые здесь неадекватны. Цель — не сохранение комфорта, но освобождение от него.

IX. Что это значит на практике

Практическое следствие понимания Кали как архетипа, а не демона, — возможность принять собственные разрушительные периоды не как наказание или ошибку, но как необходимую фазу трансформации. В психотерапевтической работе это означает отказ от «позитивного мышления» как подавления «негатива» и признание, что депрессия, кризис идентичности или коллапс жизненных проектов могут быть функционально эквивалентны практике фана или пралайя: они разрушают ограниченное «я», чтобы освободить пространство для неопределённого. В межкультурном диалоге это означает прекращение проекции «тьмы» на другие традиции: исламский взгляд на Кали как на джиннию должен быть распознан как культурный перевод, а не истина о «ложном божестве». Наконец, в собственной духовной практике это означает готовность к «левому пути» — не в смысле ритуального шокирования, но в смысле искренности с собой: признание, что иногда необходимо перестать «светить» (играть роль добродетельного), чтобы увидеть, что остаётся, когда все маски сняты. Это — работа Кали, и она не добра и не зла; она — просто эффективна.

Ключевая цитата

«О Мать, Ты — Ужасающая и Ты — Спасительница; Ты даёшь миру и Ты его поглощаешь. Тот, кто боится Твоего клыка, не понимает, что это Твоя ласка; тот, кто бежит от Твоего гневного взгляда, не знает, что это Твой взгляд

любви. Ибо что такое разрушение, как не конец иллюзии, и что такое иллюзия, как не сон, из которого Ты будишь своих детей?» — в духе бхакти-поэзии Рампрасада Сена (XVIII в.), бенгальского поэта-почитателя Кали (поэтическое переложение).

Связи между традициями

• Кали (mahāmāyā) ↔ Лилит (qelippah) ↔ Геката (chthonia) — три архетипа «тёмной»

божественной женственности, демонизируемые в экзотерических интерпретациях, но сохраняющие функцию разрушения формы для освобождения духа в эзотерических традициях (тантра, каббала, мистерии).

• Пралайя (растворение) ↔ Фана (аннигиляция) ↔ Кенозис (опустошение) —

структурно близкие моменты снятия индивидуального существования в индуизме, исламском суфизме и христианской мистике, обычно ассоциируемые с «мягким» милосердием, но требующие «жёсткого» разрушения эго.

• Шива / Шакти (покой / сила) ↔ Инь / Ян (функции дао) ↔ Цимцум / Ор (сокрытие /

сияние) — принцип взаимодополнительности (complementarity), где пассивное и активное начала не враждуют, но создают динамическое единство; демонизация одного полюса ведёт к онтологической неполноте.

• Вамачара (левый путь) ↔ Дионисийские мистерии (транс) ↔ Ишрак (восточное

озарение) — радикальные методы, использующие периферию культуры для доступа к её центру; все три подвергались институциональному подавлению, но сохранялись в эзотерических линиях.

• Джинния (Кали в исламе) ↔ Демонизированная София (гностицизм) ↔ Тень

(Schatten) — механизмы проекции подавленного архетипа разрушения на внешнюю «демоническую» фигуру, служащую социальной защите от встречи с хаосом.

Первоисточники

• 1. Devi Mahatmya (Markandeya Purana), Sanskrit-English transl. by V. S. Agrawala. Varanasi:

• Prithvi Prakashan, 1963. — текст, где Кали впервые описана как самостоятельная богиня

• разрушения.

• 2. Kinsley, D. The Sword and the Flute: Kālī and Kṛṣṇa. Berkeley: University of California Press,

• 1975. — классическое исследование двойственности образа Кали.

• 3. Ramprasad Sen. Grace and Mercy in Her Wild Hair: Selected Poems to the Mother Goddess /

• transl. L. Nathan & C. Seely. Boulder: Great Eastern, 1982. — первоисточник бхакти-поэзии,

• посвящённой Матери.

• 4. Urban, H. Tantra: Sex, Secrecy, Politics, and Power in the Study of Religion. Berkeley:

• University of California Press, 2003. — анализ демонизации тантры и Кали в колониальный

• период.

• 5. McDaniel, J. The Madness of the Saints: Ecstatic Religion in Bengal. Chicago: University of

• Chicago Press, 1989. — контекст бенгальского синкретизма и отношения к «тёмным»

• божествам.

• 6. Ibn 'Arabi. The Bezels of Wisdom (Fusus al-Hikam) / transl. R. Austin. New York: Paulist

• Press, 1980. — теория единства путей (masālik) и божественных имён.

• 7. Nicholson, R. A. The Idea of Personality in Sufism. Cambridge: Cambridge University Press,

• 1923. — различение фана и механизмов экстатического разрушения эго.

• 8. Jung, C. G. Aion: Researches into the Phenomenology of the Self. CW 9/2. Princeton:

• Princeton University Press, 1959. — теория тени (Schatten) и проекции.

• 9. Eliade, M. Yoga: Immortality and Freedom. Princeton: Princeton University Press, 1958. —

• различение дакшиначары и вамачары как методологий.

• 10. Cusanus, Nicholas. On Learned Ignorance (De Docta Ignorantia) / transl. J. Hopkins.

• Minneapolis: Banning, 1981. — принцип coincidentia oppositorum.

• 11. Idel, M. Kabbalah: New Perspectives. New Haven: Yale University Press, 1988. — роль

• Лилит и Шехины в еврейской мистике как аналогов шакти.

• 12. Stanford Encyclopedia of Philosophy, «Nicholas of Cusa».

• https://plato.stanford.edu/entries/cusanus/

• 13. Internet Encyclopedia of Philosophy, «Carl Jung». https://iep.utm.edu/jung/

• 14. Dasgupta, S. Obscure Religious Cults. Calcutta: Firma K. L. Mukhopadhyay, 1962. —

• история вамачары и социального отношения к «тёмным» практикам.

• 15. Padoux, A. Vāc: The Concept of the Word in Selected Hindu Tantras. Albany: SUNY Press,

• 1990. — онтологический статус шакти и майи.

Теги

кали, махамайя, шива, шакти, пралайя, дакшиначара, вамачара, адвайта, фана, тень, архетип, джинн, шайтан, лилит, геката, совпадение противоположностей, цимцум, кенозис, суфизм, тантра, каббала, юнг, николай кузанский, ибн араби, разрушение как созидание, недвойственность, кали-юга, шактизм, сихр, идолопоклонство, синкретизм

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Отвечает за стратегию, выбор тем, редакционный тон и финальную правку. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Отвечает за практическую проверку идей и за то, чтобы тексты не отрывались от реальной жизни. Она стремится проверять то, о чём мы пишем, на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальных отношениях между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.